

Эрих
ФРОММ

Кризис
психоанализа

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм

Кризис психоанализа

«АСТ»

1970

УДК 159.964.2
ББК 88.6

Фромм Э.

Кризис психоанализа / Э. Фромм — «АСТ»,
1970 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-102561-8

«Кризис психоанализа» – одна из знаковых работ великого германского философа-гуманиста и социального психолога Эриха Фромма – ученого, революционизировавшего психоанализ и создавшего новую теорию, противоположную фрейдистской. В этой работе, оказавшей огромное влияние на развитие современной философии, педагогики и даже литературы, автор анализирует «сексуализацию» психологии Фрейдом и его многочисленными последователями – и одновременно «социализацию» философии Марксом и его последователями – и развивает собственную концепцию становления и развития человеческой личности, на которую в равной степени оказывают влияние сознательное и бессознательное, общее – и частное.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-102561-8

© Фромм Э., 1970
© АСТ, 1970

Содержание

I. Предисловие	6
II. Кризис психоанализа	7
III. Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эрих Фромм

Кризис психоанализа

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm и литературного агентства Lieberman AG, Literary Agency.

© Erich Fromm, 1970

© Перевод. А. Александрова, 2017

© Перевод. Е. Руднева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

I. Предисловие

Это собрание эссе, написанных в разное время между 1932 и 1969 гг., объединяет общая тема взаимосвязи между психологическими и социальными факторами. Решение опубликовать и ранние статьи, изначально изданные на немецком языке, было принято в связи с тем, что они все еще представляют собой самое полное и адекватное изложение теоретического базиса, на котором основаны мои позднейшие работы по этой тематике. Мне представляется, что они особенно своевременны сегодня, когда данный предмет (особенно связь между теориями Маркса и Фрейда) вызывает горячие дискуссии – дискуссии, которые, боюсь, носят иногда непрофессиональный и путаный характер. Я немного изменил бы в тех ранних работах, за исключением того, что сегодня я не написал бы их в терминах фрейдовской теории либидо; однако это едва ли имеет большое значение, поскольку общее направление мысли сохраняется. Я преодолел искушение сделать какие-либо изменения в содержании этих статей, но указал на расхождения между тем, что в них говорилось, и моими современными взглядами в примечаниях; единственные изменения, которые я внес, заключаются в сокращении тех их частей, которые представляются излишне длинными или касаются мелких моментов, не представляющих сегодня интереса.

Обширное эссе, которым открывается книга, «Кризис психоанализа», так же как «Значимость теории материнского права сегодня» и «Эпилог», были написаны специально для этого тома. Касаясь в первую очередь психоаналитической теории и терапии, «Кризис психоанализа» содержит попытку проанализировать социальные детерминанты развития психоанализа, как это делается и во второй главе в отношении фрейдовской модели человека.

Главы различаются между собой и потому, что были написаны по разным поводам. По этой причине меняется не только их стиль; в определенной мере они повторяют друг друга. Этого можно было бы избежать, только урезав их, что привело бы к разрушению индивидуального характера каждой статьи. Надеюсь, читатель примирится с этим, в особенности потому, что иногда даже повторяющиеся утверждения не идентичны, а в одном случае выражают идеи более полно, чем в другом, так что они могут даже прояснять друг друга.

«Кризис психоанализа» содержит некоторые идеи, которые я более полно развиваю в обширном и пока еще не опубликованном исследовании, которое предположительно будет называться «Гуманистический психоанализ», отчасти поддержанном исследовательским грантом 5 ROIMH 1314402 Национального института психического здоровья Службы здравоохранения США.

Хочу выразить горячую благодарность мистеру Джозефу Каннину из издательства «Холт, Райнхарт и Уинстон», оказавшему мне огромную помощь и проявившему глубокое понимание при редактировании рукописи, и доктору Джерому Брамсу за его помощь при обсуждении Эго-психологии.

Э. Ф., январь 1970 г.

II. Кризис психоанализа

Современный психоанализ переживает кризис, который при поверхностном взгляде проявляется в определенном уменьшении числа студентов, стремящихся к подготовке в психоаналитических институтах, а также в числе пациентов, обращающихся за помощью к психоаналитикам. В последние годы появились конкурирующие виды терапии, обещающие лучшие результаты лечения и требующие гораздо меньших затрат времени, а отсюда, конечно, и денег. Психоанализу, в котором десять лет назад городской средний класс видел избавление от своих психологических проблем, теперь приходится защищаться от конкурентов-психотерапевтов и от потери своей терапевтической монополии.

Чтобы оценить этот кризис, полезно рассмотреть историю психоаналитической терапии. Более половины столетия назад психоанализ открыл новую область – экономически говоря, новый рынок. До того человек должен был быть безумным или страдать от болезненных и ограничивающих социальные возможности симптомов, чтобы считаться достойным помощи психиатра. Менее выраженные психические проблемы считались относящимися к сфере деятельности священника или семейного врача; в большинстве случаев от человека ожидалось, что он справится с ними сам или будет молча страдать.

Когда Фрейд начал свою терапевтическую работу, он имел дело с пациентами, которые были «больны» в общепринятом смысле слова: они страдали от затрудняющих жизнь симптомов вроде фобий, навязчивой тяги и истерии, даже если они не были психопатами. Когда психоанализ начал медленно распространять свои методы на людей, которые традиционно не считались «больными», пациенты начали обращаться с жалобами на свою неспособность наслаждаться жизнью, на неудачные браки, на общую тревожность, на мучительное чувство одиночества, на трудности в том, чтобы справляться с работой и т. д. В противоположность прежней практике эти жалобы стали классифицироваться как «болезнь» и новый тип «помощника» – психоаналитик – должен был позаботиться о преодолении «трудностей жизни», которые до того не рассматривались как требующие профессиональной помощи.

Это развитие не произошло одномоментно; однако постепенно оно стало очень важным фактором в жизни городского среднего класса, особенно в Соединенных Штатах. До сравнительно недавнего времени было почти «нормальным» для представителя определенной городской субкультуры «иметь своего аналитика» и значительную часть времени проводить «на кушетке», как проводили его в церкви или в храме.

Причины такого бума психоанализа легко понять. Наше столетие, «эпоха тревоги», породило все возрастающее одиночество и изоляцию. Упадок религии, кажущаяся бесплодность политики, появление полностью отчужденного «человека организации» лишили городской средний класс системы ориентации и ощущения надежности в бессмысленном мире. Хотя некоторые люди нашли, казалось бы, новые ориентиры в сюрреализме, радикальной политике или дзен-буддизме, в целом разочарованный либерал искал философию, которую он мог бы принять без каких-либо фундаментальных перемен в своем взгляде на жизнь, т. е. не становясь «другим» по сравнению со своими друзьями и коллегами.

Психоанализ предлагал удовлетворение этой потребности. Даже если симптом не излечивался, было огромным облегчением иметь возможность говорить с кем-то, кто внимательно и более или менее доброжелательно слушал. То, что психоаналитику приходилось платить за выслушивание, оказывалось лишь незначительным недостатком; возможно, это было даже вовсе не недостатком, потому что сам факт платы аналитику доказывал, что терапия серьезна, уважаема и многообещающа. Кроме того, престиж психоанализа был высок, поскольку экономически он являлся предметом роскоши.

Психоаналитик предлагал замену религии, политики и философии. Фрейд предположительно раскрыл все секреты жизни: бессознательное, эдипов комплекс, повторение детского опыта; как только человек понимал все эти концепции, для него не оставалось ничего таинственного или сомнительного. Индивид становился членом довольно экзотической секты, в которой аналитик был жрецом; проводя время на кушетке, человек чувствовал себя менее озадаченным и менее одиноким.

Это особенно распространялось на тех, кто страдал не от ясно выраженных симптомов, а от общего дискомфорта. Такой индивид, чтобы измениться в нужную сторону, должен был получить представление о том, каков неотчужденный человек, что значит жить жизнью, при которой нужно *быть*, а не *иметь* или *использовать*. Такое видение потребовало бы радикальной критики собственного общества, его открытых и в особенности скрытых норм и принципов; оно потребовало бы мужества отказаться от многих удобных и обеспечивающих защиту связей и оказаться в меньшинстве; оно также потребовало бы большего числа психоаналитиков, которые сами не были бы затянuty в психологическую и духовную путаницу автоматизированной, индустриализированной жизни.

Часто можно было наблюдать «джентльменское соглашение» между пациентом и психоаналитиком; ни один из них на самом деле не хотел потрясения фундаментально новым опытом; их удовлетворяли мелкие «улучшения», они, не осознавая этого, были благодарны друг другу за то, что не выносят на поверхность неосознанный «сговор» (если использовать термин Р. Д. Лэинга). До тех пор пока пациент приходил, разговаривал и платил, а аналитик слушал и «интерпретировал», правила игры соблюдались, и игра устраивала обоих участников. Более того, наличие аналитика часто использовалось для того, чтобы уклониться от пугающего, но неизбежного факта: необходимости принимать решения и подвергаться риску. Когда от трудного – или даже трагичного – решения нельзя было уклониться, аддикт психоанализа трансформировал реальный конфликт в «невротическое» проявление, которое нужно «еще анализировать», часто до тех пор, пока ситуация, требующая решения, не исчезнет. Слишком многие пациенты не бросали вызов аналитику, как и аналитик – им. Те, кто участвовал в «джентльменских соглашениях», подсознательно и не желали бросать вызов, потому что ничто не должно было раскачивать лодку их «мирного» существования. В дополнение к этому, поскольку психоаналитики становились все более уверены в большом поступлении пациентов, многие из них делались ленивыми и начинали верить в рыночное правило, согласно которому их «пользовательская ценность» должна быть высока, потому что высока их «рыночная стоимость». Поддержанные могущественной и престижной Международной психоаналитической ассоциацией, многие стали верить в то, что обладают «истиной» после прохождения ритуала допуска к получению диплома. В мире, где величина и могущество организации является гарантией истины, они только следовали общей практике.

Не предполагает ли это описание, что психоанализ не произвел в людях каких-либо существенных перемен? Что он был целью сам по себе, а не средством достижения чего-то? Ни в коей мере: речь шла о неправильном использовании аналитической терапии некоторыми из аналитиков и пациентов, а вовсе не о серьезной работе, успешно проводившейся другими. Действительно, поверхностное отрицание терапевтического успеха психоанализа больше говорит о затруднениях, испытываемых некоторыми модными авторами в понимании комплексных факторов, с которыми имеет дело психоанализ, чем о психоанализе как таковом. Критика со стороны людей, имеющих малый опыт (или вовсе никакого) в этой области, не может выстоять против свидетельств аналитиков, наблюдавших многих пациентов, получивших облегчение неприятностей, на которые жаловались. Немалое число людей испытали новое чувство живости и способности радоваться; при том что никакой другой метод, кроме психоанализа, не мог привести к таким изменениям. Конечно, были и такие, кому совсем не удалось помочь, как и те, кому удалось достичь только умеренного улучше-

ния, однако здесь не место анализировать терапевтический успех психоанализа статистически.

Неудивительно, что многие люди были привлечены обещаниями более быстрых и дешевых методов «лечения». Психоанализ показал возможность того, что благодаря профессиональной помощи можно облегчить страдания человека. С переходом к большей «эффективности», «быстроте»¹ и «групповым занятиям», а также с распространением потребности в лечении среди людей, доход которых был недостаточен для длительных ежедневных сессий, новые виды терапии неизбежно стали очень привлекательными и отвлекли от психоанализа множество потенциальных пациентов².

До сих пор я касался только самых очевидных и поверхностных причин современного кризиса психоанализа: неверного его применения многими психоаналитиками и пациентами. Для преодоления кризиса, по крайней мере на этом уровне, потребовалось бы только проводить более строгий отбор аналитиков и пациентов.

Необходимо, однако, спросить: как могло возникнуть такое неправильное применение? Я попытался дать весьма ограниченный ответ на этот вопрос, но ответить на него полностью возможно, только если мы обратимся от поверхностных проявлений к более глубокому кризису, в котором пребывает психоанализ.

Каковы причины этого более глубокого кризиса?

Я полагаю, что главная причина лежит в переходе психоанализа от радикальной к конформистской теории. Изначально психоанализ был радикальным, проникновенным, освобождающим учением. Однако он постепенно утратил этот характер, наступила стагнация; психоанализ не сумел развить свою теорию в ответ на изменившуюся после Первой мировой войны человеческую ситуацию; вместо этого он отступил в конформизм и поиск респектабельности.

Наиболее креативным и радикальным достижением фрейдовского учения было создание «науки иррационального», т. е. теории бессознательного. Как отмечал сам Фрейд, это было продолжением работы Коперника и Дарвина (я бы добавил еще и Маркса): они разрушили иллюзию человека касательно места нашей планеты в космосе и его собственного места в природе и в обществе. Фрейд штурмовал последнюю крепость, остававшуюся непобежденной, – человеческое сознание как окончательную данность психического опыта. Он показал, что большая часть того, что мы осознаем, нереальна, а большую часть того, что реально, мы не осознаем. Это был открытый вызов философскому идеализму и традиционной психологии, дальнейшее проникновение в познание того, что на самом деле реально. (Другой решительный шаг в этом направлении был сделан теоретической физикой, пошатнувшей еще одну истину – касавшуюся природы материи.)

Фрейд не просто констатировал существование бессознательных процессов в общем (это до него делали и другие), но эмпирически показал, как они функционируют, продемонстрировав их действие на конкретных наблюдаемых феноменах: невротических симптомах, сновидениях, мелких событиях повседневной жизни.

Теория бессознательного – один из наиболее решительных шагов в нашем знании о человеке и в нашей способности отличать внешнее от реального в человеческом поведении. Как следствие, это открыло новое измерение честности³ и тем самым создало новую основу

¹ Для сравнения: статья Анисето Арамони «Новый анализ?», представленная на Третьем форуме психоанализа, Мехико, 1969.

² Изобретение групповой терапии, каковы бы ни были ее терапевтические достоинства (которые я не могу оценить, не имея личного опыта), не удовлетворило потребности в более дешевом лечении и создало вторую основу для психоанализа. Сензитивные группы стали теперь популярным выходом для потребности в том, чтобы какой-то вид терапии стал частью массовой культуры.

³ Обычно считается, что сексуальная революция явилась результатом теории Фрейда. Мне это представляется сомни-

для критического мышления. До Фрейда считалось достаточным знать о сознательных намерениях человека, чтобы судить об его искренности. После Фрейда этого уже стало недостаточно; на самом деле этого было очень мало. Позади сознания таилась скрытая реальность, бессознательное, являющаяся ключом к *истинным* намерениям человека. Благодаря анализу (или психоаналитическому подходу к оценке поведения человека) привычная буржуазная (или любая другая) респектабельность с ее лицемерием и бесчестностью оказалась в принципе поколебленной до основания. Человеку стало недостаточно оправдывать свои действия благими намерениями⁴. Эти благие намерения, пусть и субъективно совершенно искренние, следовало подвергнуть более пристальному рассмотрению; каждому человеку нужно было задать вопрос: «Что за этим кроется?» или, точнее, «Кто ты на самом деле?» Фрейд сделал возможным рассмотрение вопроса «Кто ты и кто я?» в духе нового реализма.

Теоретической системе Фрейда, впрочем, свойственна глубокая дихотомия⁵. Фрейд, открывший путь к пониманию «ложного сознания» и самообмана человека, был радикальным мыслителем (хотя и не революционером), который в определенной мере вышел за границы своего общества. В некоторой степени он общество критиковал, особенно в «Будущем одной иллюзии». Однако он также был глубоко укоренен в предрассудках и философии своего исторического периода и своего класса. Фрейдовское бессознательное было главным образом обителью подавленной сексуальности; «честность» относилась по преимуществу к превратностям либидо в детстве, и критика Фрейдом общества ограничивалась критикой присущего ему подавления сексуальности. В своих великих открытиях Фрейд был бесстрашным и радикальным мыслителем, однако в их приложении ему препятствовала неколебимая вера в то, что современное ему общество, хоть и ни в коей мере не удовлетворительное, есть конечная фаза человеческого прогресса и не могло бы быть улучшено в каких-то существенных чертах.

В связи с этим внутренним противоречием в личности Фрейда и в его теории вставал вопрос: какой из двух аспектов следовало бы развивать его последователям? Должны ли они были идти следом за тем Фрейдом, который продолжал дело Коперника, Дарвина и Маркса, или им следовало удовлетвориться теми мыслями и чувствами Фрейда, которые были ограничены категориями буржуазной идеологии и опыта? Нужно ли им было развивать *специальную* фрейдовскую теорию бессознательного, связанную с сексуальностью, в общую теорию, которая имела бы своим объектом полный спектр подавленных психических проявлений? Должны ли были они развить фрейдовское сексуальное освобождение в общее освобождение, расширяющее сознание? Если сформулировать это иначе, в более общей форме, могли ли они развить наиболее действенные и революционные идеи Фрейда или должны были держаться за те теории, которые легче всего были бы приняты обществом потребления?

За Фрейдом можно было идти в обоих направлениях, однако его последователи-ортодоксы двинулись за реформатором, а не за радикалом. Им не удалось развить теорию, освободив ее основные находки от связанной с эпохой ограниченности и придав им более широкое и радикальное звучание. Они все еще извлекали пользу из той ауры радикализма,

тельным, особенно потому, что новая сексуальная свобода следует паттерну потребления в современном индустриальном обществе, как убедительно показал Олдос Хаксли в своей книге «О дивный новый мир». Как бы то ни было, существует еще один аспект влияния Фрейда, которым часто пренебрегают. Один из самых значимых элементов протеста радикальной молодежи направлен как раз против притворства и мошенничества буржуазного общества, выражающихся в идеях, а также во многих действиях и языке. Поскольку Фрейд открыл новое измерение честности, его влияние может считаться одним из самых значимых для протеста молодежи против лицемерия.

⁴ Марксова концепция «идеологии» имела то же значение, что и фрейдовская «рационализация», хотя Маркс и не пытался исследовать психологический механизм подавления (см. работу Э. Фромма «По ту сторону порабощающих нас иллюзий»).

⁵ См. подробный анализ этого положения в главе III «Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты».

которую имел психоанализ перед Первой мировой войной, когда разоблачение сексуального ханжества выглядело смелым и революционным.

Влияние последователей-конформистов отчасти было следствием определенных черт личности Фрейда. Он был не только ученым и врачом, но также и «реформатором», верившим в свою миссию основателя движения за рациональное и этическое преобразование человека⁶. Он был ученым, но, несмотря на свое увлечение теорией, никогда не терял из вида «движения» и его политики. Большинство из тех, кого он сделал предводителями движения, были людьми, лишенными какой-либо способности к радикальной критике. Сам Фрейд не мог этого не знать, но выбрал их, потому что они обладали одним выдающимся качеством: безусловной лояльностью ему и движению. По сути, многие из них обладали характеристиками бюрократов в любом политическом движении. Поскольку движение контролировало как теорию, так и терапевтическую практику, такой выбор предводителей должен был иметь значительное влияние на развитие психоанализа.

Другие сторонники отошли от движения: Юнг – потому что, среди других причин, был неисправимым романтиком; Адлер – поскольку был довольно поверхностным, хотя и очень одаренным рационалистом. Ранк развивал оригинальные взгляды, но оказался отстранен, возможно, не столько из-за догматических взглядов Фрейда, сколько из-за зависти своих конкурентов. Ференци, возможно, самый любимый и одаренный воображением из учеников Фрейда, не имевший ни амбиций «лидера», ни смелости порвать с Фрейдом, был тем не менее резко отвергнут, когда в конце жизни разошелся с учителем во мнениях по некоторым важным вопросам. Вильгельм Райх был изгнан из организации, несмотря на то – или, скорее, из-за того, – что развил фрейдовскую теорию секса до крайних пределов; он олицетворяет особенно интересный пример страха перед психоаналитической бюрократией (а в данном случае и перед Фрейдом) и перехода от реформ к радикальной позиции в той самой области, которую Фрейд сделал центром своей системы.

Победители в борьбе за власть при дворе Фрейда осуществляли строгий контроль, хотя между ними имели место соперничество и ревность. Наиболее резкое проявление этой внутренней борьбы в группе описано Эрнестом Джонсом в его «придворной биографии», в которой он заклеил двоих соперников своего покойного шефа, Ференци и Ранка, как обезумевших ко времени их отступничества.

Наиболее ортодоксальные психоаналитики признали контроль бюрократии, подчинились ее правилам и выказали лояльность, по крайней мере на словах. Тем не менее были некоторые психоаналитики, которые оставались в организации и делали важные и оригинальные вклады в психоаналитическую теорию и практику, такие как С. Радо, Ф. Александер, Фрида Фромм-Рейхман, супруги Балинт, Р. Шпитц, Э. Эриксон и многие-многие другие. Преобладающее большинство аналитиков в организации были склонны видеть только то, что ожидали (и чего ожидали от них) найти. Одним из самых поразительных примеров этого служит то, что почти вся ортодоксальная психоаналитическая литература игнорировала тот очевидный факт, что младенец глубоко привязан к матери задолго до развития эдипова комплекса и что эти первичные узы – общие и для мальчиков, и для девочек. Некоторые из обладавших воображением и смелых психоаналитиков, как, например, Ференци, видели это и упоминали такие узы, но когда они писали о теории, они повторяли формулировки Фрейда и не использовали собственные клинические наблюдения⁷. Другим примером пара-

⁶ В 1910-е годы Фрейд играл с идеей привлечения своих учеников в международное Братство за этику и культуру, которое должно было быть преобразовано в организацию воинствующих психоаналитиков. Вскоре Фрейд бросил эту затею ради идеи основания Международной психоаналитической ассоциации (см. Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда).

⁷ Джон Боулби в своей острой статье «Природа привязанности ребенка к матери» приводит подробную историю психоаналитической теории применительно к этому моменту, а также привлекает внимание к противоречиям между клиническими описаниями и теорией у авторов-психоаналитиков (*The International Journal of Psycho-Analysis*, 34 [1958], 355–372).

лизующего влияния бюрократического контроля служит единодушие, с которым почти все психоаналитики-ортодоксы приняли теорию, согласно которой женщины – это кастрированные мужчины, несмотря на очевидные клинические данные и на биологические и антропологические свидетельства противного. То же верно и для дискуссии по поводу агрессии. Пока Фрейд обращал мало внимания на человеческую агрессивность, писатели из психоаналитического движения также игнорировали ее, однако после открытия Фрейдом инстинкта смерти разрушительность сделалась центральной темой. Хотя многие отказывали в признании инстинкту смерти (потому что, на мой взгляд, были слишком связаны механистической теорией инстинктов, чтобы оценить глубину новой теории), но даже они пытались приспособиться, противопоставляя «инстинкт разрушительности» половому инстинкту, тем самым отказываясь от старой дихотомии между половым инстинктом и инстинктом самосохранения, в то же время сохраняя прежнюю концепцию инстинкта.

* * *

Наиболее показательный пример того, до какой степени строгое следование правилам организации искажало даже элементарный человеческий отклик, являет следующее письмо М. Балинта редактору Международного журнала психоанализа (*International Journal of Psycho-Analysis*):

«Сэр, публикация третьего тома биографии великого Фрейда доктора Джонса поставила меня, как литературного душеприказчика Ференци, в неловкое положение.

В этом томе д-р Джонс высказывает довольно резкие взгляды на психическое состояние Ференци, особенно в последние годы его жизни, ставя ему диагноз медленно развивающейся паранойи, сопровождающейся под конец бредом и одержимостью мыслью об убийстве. Используя этот диагноз как основу, он интерпретирует в этом смысле научные публикации Ференци и его участие в психоаналитическом движении.

Несомненно, последний период жизни Ференци, началом которого можно считать публикацию книги «*Genitaltheorie*» (Таласса) и совместной с Ранком работы «*Entwicklungsziele*» (Цели развития), был весьма противоречивым. Именно в эти годы Ференци выдвинул ряд новых идей, которые в то время были сочтены фантастическими, революционными, преувеличенными, необоснованными и т. д.

Более того, в нескольких случаях сам Ференци должен был отозвать или изменить только что высказанные идеи; было также широко известно, что Фрейд занял довольно критическую позицию в отношении многих – хотя далеко не всех – идей Ференци.

Все это создало крайне неблагоприятную атмосферу, сделавшую весьма затруднительной какую-либо объективную переоценку того, что в идеях Ференци было полезным и сохраняющим свою ценность.

Если бы теперь взгляды д-ра Джонса не остались бы оспорены мной, предоставившим всю переписку Фрейда и Ференци для биографии, могло бы возникнуть впечатление, будто я, литературный душеприказчик Ференци, один из его учеников и близкий друг, согласен с ними. Это определенно создало бы у психоаналитической общественности ощущение, будто работы Ференци последних лет – когда, согласно д-ру Джонсу, его психическое здоровье пришло в упадок – не заслуживают внимания. На мой взгляд, имеет место как раз обратное. В поздних работах Ференци не только содержится предвидение развития психоаналитической техники и теории на 15–25 лет вперед, но и представлены идеи, которые могут пролить свет на проблемы настоящего или даже будущего.

Только по этой причине я хотел бы заявить, что я часто виделся с Ференци – один или два раза в неделю – во время его последней болезни, злокачественной анемии, которая привела к быстро прогрессирующей дегенерации связок. У него вскоре возникло расстройство

координации движений, последние несколько недель он был прикован к постели, а несколько дней в конце его приходилось кормить; непосредственной причиной смерти стал паралич дыхательного центра. Несмотря на усиливающуюся физическую слабость, его разум оставался ясным; он несколько раз подробно обсуждал со мной свои разногласия с Фрейдом, строил планы того, как переработать и расширить свой доклад для последнего Конгресса, если когда-нибудь еще сможет держать в руке перо. Я виделся с ним в последнее воскресенье его жизни, и даже тогда он, хотя и был очень слаб, сохранял совершенно ясный рассудок.

Несомненно, как и у каждого из нас, у Ференци были некоторые невротические черты, среди них обидчивость и острое желание быть любимым и оцененным, верно описанные д-ром Джонсом. Кроме того, возможно, д-р Джонс при постановке диагноза имел доступ не только к тем источникам, на которые он ссылается. Тем не менее, на мой взгляд, основное разногласие между д-ром Джонсом и мной заключается не столько в фактах, сколько в их интерпретации, что по крайней мере отчасти следует отнести за счет определенных субъективных факторов. Имеют ли наши расхождения другие источники или нет, я хотел бы предложить, чтобы в настоящее время наше несогласие было зафиксировано, оставив следующим поколениям поиск истины.

Ваш М. Балинт».

Ответ д-ра Эрнеста Джонса:

«Я, безусловно, сочувствую довольно неловкому положению д-ра Балинта. Естественно, мне и в голову бы не пришло сомневаться в правдивости его воспоминаний или точности его наблюдений. Впрочем, он не указал, что они вполне сопоставимы с более серьезным диагнозом, поскольку для страдающих паранойей характерно обманывать друзей и родственников, проявляя в большинстве случаев полную ясность мышления.

Не ожидаю я и что д-р Балинт подвергнет сомнению мою собственную добросовестность. То, что я писал о последних днях Ференци, основывалось на достойном доверия свидетельстве очевидца.

Оценка ценности последних работ Ференци, как справедливо отмечает д-р Балинт, противоречива. Я всего лишь привел мнения, твердо высказывавшиеся Фрейдом, Эйтингоном и всеми, кто, как мне было известно в 1933 году, был подвержен влиянию определенных субъективных факторов.

Эрнест Джонс».

Письмо Балинта едва ли нуждается в комментариях. Перед нами очень достойный и интеллигентный человек, ученик и близкий друг Ференци. Он чувствует обязанность представить факты, как он их видел, и опровергнуть утверждение Джонса о предполагаемой психической болезни своего учителя – «параноидной шизофрении». Он указывает на то, что Ференци, страдавший злокачественной анемией, до последнего дня сохранял ясный рассудок. Это однозначное утверждение, предполагающее, что заключение Джонса ложно. Однако как Балинт выражает свои поправки? Он начинает с заявления о том, что работы Ференци последнего периода были «весьма противоречивы», «революционны», «фантастичны», «преувеличены» и «безосновательны». Затем он подчеркивает, что поправляет утверждения Джонса *только* в качестве литературного душеприказчика, чтобы предотвратить потерю интереса общественности к последним работам Ференци. За констатацией факта здравости рассудка Ференци следует признание у него невротических черт; Балинт оговаривается, что Джонс мог иметь доступ к другим источникам для постановки диагноза, о которых не упомянул. Наконец, противореча собственному главному утверждению, Балинт заканчивает предположением, что задача выяснения правды должна быть доверена следующему поколению. Эта отсылка к другим (неназванным) источникам не соответствует здравому смыслу. Если у Балинта – психиатра – не было сомнений в здравом уме Ференци, то

как можно допустить, что «другой источник» мог прийти к противоположному заключению, особенно учитывая, что Джонс не приводит никаких свидетельств этого другого источника, что он мог бы сделать и не называя имени, если бы такой источник существовал, по крайней мере, как серьезный свидетель.

Если бы такое уклончивое и смиренное письмо было написано менее значительной личностью, чем Балинт, или в условиях диктаторской системы, чтобы избежать тяжелых последствий или ради спасения свободы и жизни, все было бы понятно. Однако, учитывая, что письмо было написано известным психоаналитиком, живущим в Англии, оно только показывает степень давления, которое препятствовало даже самой мягкой критике одного из лидеров организации.

* * *

Может показаться, что ответственность за бесплодие ортодоксальной психоаналитической мысли следует приписать исключительно Фрейду. Однако это, несомненно, заключение необоснованное. В конце концов, тех аналитиков, которые подобным образом покорялись, никто к этому не принуждал, они были свободны думать так, как хотели. Самым худшим, что могло с ними случиться, было бы изгнание из организации; были ведь и те, кто совершил «отчаянный» шаг без всяких неприятных последствий, если не считать обвинений бюрократии в том, что они не психоаналитики. Так что же препятствовало такой решительности?

Одна причина очевидна. Фрейд создал систему, на которую нападали и которую высмеивали почти все «респектабельные» профессионалы и сторонники академической науки, поскольку в то время Фрейд бросал вызов многим табу и привычным идеям. Отдельный психоаналитик чувствовал себя неуверенно во враждебном окружении, поэтому естественно, что он искал источник силы в принадлежности к организации, благодаря чему чувствовал себя не одиноким, членом сражающейся секты и, безоговорочно подчиняясь организации, получал защиту, если был должным образом «посвящен». Было также естественно, что вместе с верой в организацию возникал и некоторый «культ личности».

Следует принять во внимание и еще один фактор. Психоанализ претендовал на знание ответа на загадку человеческого разума. Он и в самом деле давал некоторые «ответы» – если в этой области таковые существуют – на один из аспектов загадки; впрочем, учитывая необъятность проблемы, оставалось еще гораздо больше того, что еще только предстояло понять. Если отдельный психоаналитик осознавал фрагментарный характер своих знаний, как теоретических, так и терапевтических, он почувствовал бы себя еще более неуверенно в ситуации, когда даже то, что он знал, отвергалось и подвергалось насмешкам. Поэтому разве не было естественным с его стороны поддерживать иллюзию того, что Фрейд по сути открыл истину полностью и что благодаря магическому приобщению он, как член организации, разделял это обладание истиной? Конечно, он мог принимать факт фрагментарности и условного характера своих знаний, но это потребовало бы не только значительной независимости и мужества, но и способности к продуктивному мышлению. Это потребовало бы от каждого психоаналитика отношения скорее любознательного исследователя, чем профессионала, просто использующего свою теорию, чтобы добыть средства к существованию.

Очевидно, тот же процесс бюрократизации и отчуждения мысли, который я описал здесь применительно к психоаналитическому движению, может наблюдаться в истории многих политических, философских и религиозных движений. Он относительно редок в истории науки, иначе наиболее творческие научные идеи были бы подавлены и их развитие

остановлено духом бюрократии и догматизма⁸. Я так подробно описал такое развитие психоаналитического движения, потому что это существеннейший, хотя и недостаточно признанный фактор, в котором коренится кризис психоанализа⁹.

Описывая негативный эффект бюрократической природы психоаналитического движения, мы имеем дело только с одним фактором, способствующим кризису психоанализа. Более важны социальные изменения, происходившие с нарастающей скоростью после Первой мировой войны. Если буржуазный либерализм в начале столетия все еще сохранял элементы радикальной критики и стремления к реформам, то большинство представителей среднего класса делались все более консервативными по мере того, как стабильности системы начали угрожать новые экономические и политические силы. Автоматизация, появление «человека организации» с сопутствующей утратой индивидуальности, возникновение диктаторских режимов в важных частях мира, угроза ядерной войны – все это были значимые факторы, вызвавшие у среднего класса защитную реакцию. Большинство психоаналитиков, разделявших тревоги среднего класса, разделяли и эту защитную реакцию, и настоятельность.

По контрасту с этим большинством имелось и незначительное меньшинство радикальных психоаналитиков – «левых», пытавшихся поддерживать и развивать радикальную систему Фрейда и стремившихся к гармонии между фрейдовскими взглядами на психоанализ и социологическими и психологическими взглядами Маркса. К ним относились С. Бернфельд и Вильгельм Рейх, пытавшийся достичь синтеза фрейдизма и марксизма¹⁰. Моя собственная работа также касалась этой проблемы, начиная с «Догмата о Христе» (1930)¹¹. В более недавнее время Р. Д. Лэинг, один из самых оригинальных и творческих представителей современного психоанализа, привел блестящее изложение проблем психоанализа с радикальных политических и гуманистических позиций.

Не менее важно влияние психоанализа на радикальный артистический и литературный авангард. Интересным феноменом является то, что радикальные особенности теории Фрейда, которыми в основном пренебрегали профессиональные аналитики, привлекли пристальное внимание радикальных движений в совершенно отличающихся областях. Это влияние было особенно заметным среди сюрреалистов, хотя ими и не ограничивалось.

Последние десять лет также показали растущий интерес к проблемам психоанализа со стороны некоторых политически радикальных философов. Жан-Поль Сартр сделал весьма интересный вклад в психоаналитическое мышление в рамках собственной экзистенциалистской философии. Помимо Сартра и О. Брауна, среди представителей этого направления наи-

⁸ Искажение теоретических открытий Маркса сталинизмом и временное подавление генетики школой Лысенко при Сталине – хороший пример бюрократического разрушения науки.

⁹ Следует отметить, что в последние годы психоаналитическая бюрократия сделалась гораздо либеральнее, чем раньше. Главная причина этого, возможно, заключается в том, что наиболее оригинальные мыслители в организации в значительной мере отошли от норм «правильного мышления», которые навязывались некоторое время назад. Не произошла такая либерализация, движение лишилось бы столь многих продуктивных членов, что едва ли могло бы продолжать существовать. Либерализации способствовала угроза со стороны конкурирующих независимых индивидуальных аналитиков, психоаналитических обществ и образовательных институтов. Симптоматическим выражением либерализации стало существование двух или более независимых обществ в различных странах, различающихся по степени приверженности к фрейдистским догмам, но сохраняющих членство в организации. Тем не менее бюрократический контроль вовсе не исчез, и по этой причине многие психоаналитики покинули Международную психоаналитическую ассоциацию, были изгнаны из нее или не приняты в члены. В последние годы была сформирована Международная федерация психоаналитических обществ, не придерживающаяся какого-либо определенного направления психоаналитической теории и имеющая единственной целью научный обмен между своими членами.

¹⁰ В последние годы, во время пребывания в Соединенных Штатах, Рейх полностью отвернулся от марксистской теории и утратил симпатию к социализму, который считал уступающим либеральной политике Рузвельта и Эйзенхауэра (см. Reich-Ollendorf I. Wilhelm Reich. N.Y.: St. Martin's Press, Inc., 1969).

¹¹ Английский перевод «Догмы о Христе» вышел в Нью-Йорке в 1963 году. Те же идеи были продолжены в двух статьях 1932 года, представленных в настоящем томе (главы IX и X).

более известен Герберт Маркузе, разделявший интерес к связи между Марксом и Фрейдом с другими членами Франкфуртской группы, такими как Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно. Есть также несколько других, особенно среди марксистов и социалистов, кто в последние годы проявлял значительный интерес к этой проблеме и много писал о ней. К несчастью, эта новая литература часто страдает от того факта, что многие из пишущих – «философы психоанализа», не обладающие достаточными познаниями в его клинической основе. Не нужно быть психоаналитиком, чтобы понимать теории Фрейда, но нужно знать их клинический базис, иначе слишком легко неверно интерпретировать фрейдовские концепции или просто выхватывать смутно подходящие цитаты без достаточного знания всей системы.

Маркузе, написавший по поводу психоанализа больше любого другого философа, являет собой хороший пример того специфического искажения, которое «философ психоанализа» может придать психоаналитической теории. Он утверждает, что его работа «движется исключительно в поле теории и держится на расстоянии от той технической дисциплины, в которую превратился психоанализ». Такое утверждение озадачивает; оно предполагает, что психоанализ, начавшийся как теоретическая система, позднее превратился в «техническую дисциплину», в то время как теории Фрейда целиком основывались на клинических наблюдениях.

Что понимает Маркузе под «технической дисциплиной»? Иногда кажется, что он говорит только о проблемах терапии, однако в других случаях термин «техническая» используется применительно к клиническим, эмпирическим данным. Проводить различия между философией и аналитической теорией, с одной стороны, и психоаналитическими клиническими данными – с другой – несостоятельно в науке, концепции и теории которой не могут быть поняты безотносительно к клиническим феноменам, на основании которых они были созданы. Конструирование «философии психоанализа», игнорирующей его эмпирический базис, должно неизбежно привести к серьезным ошибкам в понимании теории. Позвольте мне снова сказать: я не утверждаю, что человек должен быть психоаналитиком или хотя бы подвергнуться психоанализу, чтобы обсуждать проблемы психоанализа. Однако, чтобы разбираться в психоаналитических концепциях, нужно обладать интересом к клиническим данным, индивидуальным или социальным, и обладать способностью иметь с ними дело. Маркузе и другие настаивают на том, чтобы пользоваться такими концепциями, как *регрессия*, *нарциссизм*, *извращение* и т. д., оставаясь в мире чисто абстрактных спекуляций; они чувствуют себя «свободными» создавать фантастические конструкции именно потому, что не обладают эмпирическими знаниями, на основании которых можно было бы эти спекуляции проверять. К несчастью, многие читатели получают информацию о Фрейде из этих искаженных источников, не говоря уже о серьезном вреде, который такое путаное мышление причиняет тем, к кому обращено.

Здесь не место для полного обсуждения работ Маркузе, посвященных психоанализу, – «Эрос и цивилизация», «Одномерный человек», «Эссе об освобождении»¹². Я ограничусь несколькими замечаниями. Во-первых, Маркузе, являясь человеком весьма начитанным, тем не менее делает элементарные ошибки, представляя концепции Фрейда. Так, например, он неверно понимает «принцип реальности» и «принцип удовольствия» (хотя в одном случае и приводит правильную цитату), предполагая, что существует несколько «принципов реальности», и утверждая, что западная цивилизация управляется одним из них, «принципом исполнения». Не могло ли быть, что Маркузе разделял популярное заблуждение, согласно которому «принцип удовольствия» относится к гедонистической норме, предполагающей, что цель жизни – удовольствие, а «принцип реальности» – к социальной норме, согласно кото-

¹² В «Эссе об освобождении» Маркузе изменил некоторые из своих прежних взглядов и согласился с теми, которые ранее резко критиковал, хотя и не высказал этого прямо.

рой устремления человека должны быть направлены на труд и следование долгу? Фрейд, конечно, ничего этого не имел в виду; для него принцип реальности был «модификацией» принципа удовольствия, а не его противоположностью. Фрейдовская концепция принципа реальности заключается в том, что каждому человеческому существу присущи способность наблюдать реальность и тенденция защищать себя от ущерба, который могло бы нанести неограниченное удовлетворения инстинктов. Такой принцип реальности совершенно отличен от норм данной социальной структуры: одно общество может очень жестко ограничивать сексуальные пожелания и фантазии, и, следовательно, принцип реальности будет направлен на защиту индивида от вреда, который тот мог бы причинить себе, заставляя его подавлять подобные фантазии. В другом обществе могут быть совершенно противоположные обычаи, и, следовательно, не будет причины, чтобы принцип реальности мобилизовал сексуальное подавление. «Принцип реальности» в понимании Фрейда – один и тот же в обоих случаях; различается же социальная структура и то, что я назвал бы «социальным характером» в данной культуре или классе. (Например, воинственное общество породит социальный характер, поощряющий агрессивные тенденции, а стремления к сочувствию и любви подавляющий; в мирном, ориентированном на сотрудничество обществе будет иметь место противоположное. В XIX веке в среднем сословии стремление к удовольствиям и тратам подавлялось, в то время как ограничение потребления и накопление поощрялись; ста годами позже социальный характер стал поощрять траты и не одобрять накопления, рассматривая скардность как противоречащую требованиям общества. В каждом обществе человеческая энергия трансформируется в специфический вид, и такая энергия может использоваться обществом для собственного должного функционирования. Соответственно, то, что подавляется, зависит от системы и социального характера, а не от иного «принципа реальности».) Однако концепции характера в динамическом смысле, как его понимал Фрейд, вовсе нет в работах Маркузе; можно предположить, что так происходит потому, что такая концепция не «философская», а эмпирическая.

Не менее серьезно и искажение теории Фрейда Маркузе при использовании фрейдовской концепции вытеснения. «"Вытеснение", "репрессивный", – пишет Маркузе в "Эросе и цивилизации", – используются для обозначения как осознанного, так и бессознательного, как внешнего, так и внутреннего процессов ограничения, сдерживания и подавления». Однако центральной категорией в системе Фрейда является «вытеснение» в динамическом смысле: то, что вытесняется, *не осознается*. При использовании понятия вытеснения и для осознанных, и для бессознательных явлений теряется все значение фрейдовской концепции вытеснения и бессознательного. Действительно, слово «вытеснение» имеет два значения: первое – разговорное, а именно в смысле ограничения и принуждения; второе – психологическое, используемое Фрейдом (хотя в этом психологическом смысле оно использовалось и раньше), означает удаление чего-то из сознания. Эти два значения сами по себе не имеют никакого отношения друг к другу. Используя их без разбора, Маркузе запутывает центральное положение психоанализа. Он обыгрывает двойное значение слова «вытеснение», как будто оно едино; тем самым значение вытеснения в психоаналитическом смысле утрачивается, хотя и предлагается прекрасная формула, объединяющая политическую и психологическую категории благодаря двусмысленности термина.

Другим примером того, как Маркузе обходится с теориями Фрейда, является обсуждение теоретического вопроса консервативной природы эроса и инстинкта жизни. Маркузе обыгрывает тот «факт», что Фрейд приписывает одну и ту же консервативную природу (благодаря возвращению на более раннюю стадию) и эросу, и инстинкту смерти. Маркузе явно неизвестно, что после некоторых колебаний Фрейд пришел в «Очерке психоанализа» к противоположному заключению, а именно – что эросу не свойственна консервативная природа;

к такому заключению Фрейд пришел, несмотря на огромные теоретические трудности, которые это породило.

Если освободить «Эрос и цивилизацию» от излишнего многословия, то Маркузе представляет как идеал для нового человека в нерепрессивном обществе возрождение его до-генитальной сексуальности, особенно садистской и копрофильной тенденций. На самом деле идеалом «нерепрессивного общества» Маркузе представляется инфантильный рай, где вся работа – игра и где нет серьезных конфликтов или трагедий. (Маркузе так никогда и не касается проблемы конфликта между этим идеалом и автоматизированной промышленностью.) Этот идеал регрессии к инфантильной либидозной организации сочетается с нападениями на доминирование генитальной сексуальности над до-генитальными побуждениями. С помощью игры словами подчинение оральных и анальных эротических устремлений верховенству генитальности отождествляется с моногамным браком, с буржуазной семьей и с принципом, согласно которому сексуальное удовольствие позволительно только в том случае, если оно служит продолжению рода. В своих нападениях на «доминирование» генитальности Маркузе игнорирует очевидный факт, что генитальная сексуальность ни в коей мере не привязана к размножению, что мужчины и женщины всегда получали сексуальное наслаждение без намерения продолжить род, а способы предотвращения зачатия уходят в глубину веков. Маркузе, по-видимому, хочет сказать, что, поскольку извращения – такие как садизм или копрофилия – не могут привести к зачатию, они более «свободны», чем генитальная сексуальность. Революционная риторика Маркузе затемняет иррациональный и антиреволюционный характер его установки. Как некоторых представителей авангардного искусства от де Сада и Маринетти до современности, его привлекает инфантильная регрессия, извращения и – на мой взгляд – в более скрытной форме разрушительность и ненависть. Выражение распада общества в литературе и искусстве и научный анализ этого достаточно правомерны, но революционер не должен разделять такие взгляды и прославлять болезни общества, которое он хочет изменить.

Тесно связано с этим возвеличивание Маркузе Нарцисса и Орфея, в то время как Прометей (которого Маркс, кстати, называл «благороднейшим святым и мучеником в философском календаре») низведен до «архетипического героя принципа исполнения». Орфико-нарциссические образы «вверены преисподней и смерти». Орфей в соответствии с классической традицией «связан с введением гомосексуальности». Однако, говорит Маркузе, «как Нарцисс он отвергает нормальный эрос, и не ради аскетического идеала, а ради более полного эроса. Как Нарцисс он протестует против репрессивного порядка сексуальности для продолжения рода. Этот орфический и нарциссический эрос есть отрицание такого порядка – Великий Отказ». Великий Отказ определяется также как «отказ принять отделение от либидозного объекта (или субъекта)»; в окончательном анализе это отказ от взросления, от полного отделения от матери и почвы, от полного сексуального удовольствия (генитального, а не анального или садистского). (Как ни странно, в «Одномерном человеке» Великий Отказ полностью меняет свое значение, хотя эта перемена не упомянута; новое значение – это отказ от преодоления разрыва между настоящим и будущим.) Хорошо известно, что такой идеал в точности противоположен фрейдовской концепции развития человека и соответствует его концепции невроза.

Этот идеал освобождения от верховенства генитальной сексуальности, конечно, тоже совершенно противоположен той сексуальной свободе, которую предложил Рейх и которая сегодня полностью реализуется.

Какова бы ни была суть требования возрождения этих давно практикуемых извращений, действительно ли мы нуждаемся в революции для достижения такой цели? Маркузе игнорирует тот факт, что для Фрейда эволюция либидо от первичного нарциссизма к оральному, анальному, а затем генитальному уровню есть в первую очередь не вопрос увеличи-

вающегося вытеснения, а биологический процесс *взроslения*, что и ведет к верховенству генитальной сексуальности. Для Фрейда здоровый человек – это тот, кто достиг генитального уровня и который наслаждается половым актом; вся эволюционная система Фрейда основывается на идее генитальности как высшей ступени развития либидо. Здесь я возражаю не против отхода Маркузе от Фрейда, но против путаницы, созданной не только неверным использованием концепций Фрейда, но также попыткой создать впечатление, будто он представляет позицию Фрейда с лишь незначительными изменениями. На самом деле Маркузе построил теорию, являющуюся противоположностью главному содержанию учения Фрейда; это достигается цитированием фраз, вырванных из контекста, или высказываний Фрейда, от которых тот позднее отказался, или просто незнанием позиции Фрейда и/или ее смысла. Более или менее то же, что он сделал с Фрейдом, Маркузе делает с Марксом. Слегка критикуя Маркса за то, что тот не обнаружил всей правды о новом человеке, Маркузе старается создать впечатление, что он в целом стоит за цели Маркса, за социалистическое общество. Однако он ничего не говорит по поводу того, что его собственный идеал инфантильного нового человека есть прямая противоположность идеалу Маркса: продуктивному, деятельному человеку, способному любить и интересоваться всем вокруг него. Нельзя избавиться от впечатления, что Маркузе использует популярность Маркса и Фрейда у радикальной молодежи, чтобы сделать свою антифрейдскую и антимарксистскую концепцию нового человека более привлекательной.

Как могло случиться, что у такого эрудированного ученого, как Маркузе, оказалось столь искаженное представление о психоанализе? Мне кажется, что ответ лежит в том особом интересе, который он – как и некоторые другие интеллектуалы – питал к психоанализу. Для него психоанализ – не эмпирический метод выявления бессознательных устремлений человека, замаскированных рационализацией, не теория как таковая, имеющая дело с характером и демонстрирующая различные бессознательные мотивации вроде бы «резонных действий»; психоанализ для Маркузе есть набор метапсихологических спекуляций на тему смерти, инстинкта жизни, инфантильной сексуальности и т. д. Величайшим достижением Фрейда было то, что он взялся за ряд проблем, которые до того рассматривались философией лишь абстрактно, и превратил их в предмет эмпирического изучения. Представляется, что Маркузе обращает вспять это достижение, трансформируя эмпирические концепции Фрейда в предмет философских спекуляций – и притом спекуляций довольно мутных.

Помимо группы левых аналитиков и тех членов фрейдистской организации, которые были упомянуты выше, я хочу особо отметить четверых психоаналитиков, вклад которых более систематичен и оказал большее влияние на психоанализ, чем работы остальных. (Я не упоминаю ранних раскольников, таких как Адлер, Ранк и Юнг.)

Карен Хорни была первой, кто критически отнесся к фрейдистской психологии женщин, а позднее пришла к отказу от теории либидо и приданию особого значения культурным факторам, что привело ко многим плодотворным находкам.

Гарри Стек Салливан разделял с ней признание значимости культурных факторов, а его концепция психоанализа как теории «межличностных отношений» также отвергала теорию либидо. Хотя его теория человека, на мой взгляд, несколько ограничена тем фактом, что его модель человека относится по сути к современному отчужденному человеку, главным достижением Салливана было проникновение в мир фантазий и коммуникационных процессов тяжелобольных, особенно страдающих шизофренией¹³.

¹³ Хотя Хорни, Салливана и меня обычно совместно относят к школе «культурализма» или «неофрейдизма», такая классификация представляется едва ли оправданной. Несмотря на тот факт, что мы друзья, работали вместе и разделяли некоторые взгляды, в особенности критическое отношение к теории либидо, различий между нами больше, чем сходства, особенно в «культурном» подходе. Хорни и Салливан рассматривали культурные паттерны в традиционном антропологическом

Эрик Х. Эриксон внес существенный вклад в теорию детства и влияния общества на детское развитие; он также углубил психоаналитические представления благодаря исследованию проблем идентичности и создал психоаналитические биографии Лютера и Ганди. На мой взгляд, он не пошел так далеко, как мог бы, более радикально исследуя следствия некоторых собственных предпосылок.

Большая заслуга Мелани Кляйн и ее школы в том, что они указали на глубокую иррациональность человека, продемонстрировав ее проявления у ребенка. Хотя полученные ею данные и основанные на них конструкции не были убедительны, по мнению большинства психоаналитиков, включая меня, ее теории сыграли по крайней мере роль противоядия от рационалистических тенденций, все более проявляющихся в психоаналитическом движении.

Конформистские тенденции, свойственные большинству психоаналитиков, нашли наибольшее выражение в деятельности школы, которую я буду обсуждать более подробно, потому что она стала самой влиятельной и престижной в психоаналитическом движении: а именно – Эго-психологии. Эта школа была основана и продвигалась группой психоаналитиков¹⁴, которые совместно развивали систему, задачей которой было дополнение классической теории, хотя они и признавали уже достигнутое.

Эго-психологи получили название в силу того факта, что привлекли внимание к теории Эго в отличие от занимавшего центральное место в системе Фрейда Ид – иррациональных страстей, мотивирующих человека, но им не осознаваемых. Интерес к Эго имеет respectable происхождение. Особенно с тех пор, как фрейдовское деление на Ид – Эго – Супер-Эго заменило прежнюю дихотомию: бессознательное – сознание, концепция Эго стала центральной в психоаналитической теории. Изменение Фрейдом терминологии и в определенной мере содержания были вызваны, среди других факторов, открытием бессознательных элементов Эго, что делало прежнее деление несколько устаревшим. Книга «Эго и механизмы защиты» (1964) Анны Фрейд стала еще одним основанием для утверждения, что Эго-психология есть продукт естественного развития, корни которого уходят в классическую фрейдовскую теорию.

Эго-психологи подчеркивали, что работа Анны Фрейд ни в коей мере не была первым заявлением об их позиции. Эго-психология была следствием ранних исследований Фрейда бессознательных аспектов функционирования Эго. Впрочем, несмотря на правильность цитат, благодаря которым Фрейд может считаться отцом Эго-психологии, такое утверждение не настолько правомерно, как кажется Хартману и членам его группы. Хотя Фрейд проявлял все больший интерес к Эго, центром его аналитической психологии оставались бессознательные устремления, мотивирующие поведение, и по этой причине он был и всегда оставался «Ид-психологом».

Появление Эго-психологии связано со статьей, написанной Хайнцем Хартманом в 1939 году, через год после смерти Фрейда. В этой статье – «Эго-психология и проблема адаптации»¹⁵ – Хартман заложил основы новой системы, сосредоточившись на процессе адаптации. Он ясно сформулировал цель такого пересмотра. Психоанализ «начался с изучения патологии и феноменов на границе нормальной психологии и психопатологии. В то время

ческом смысле, в то время как мой подход направлен на динамический анализ экономических, политических и психологических факторов, лежащих в основе общества.

¹⁴ Основателями этой школы были Х. Хартман, Р. М. Лёвенштайн, Э. Крис. Среди других представителей этого направления – Д. Рапапорт, Г. Кляйн, Б. Джил, Р. Р. Холт и Р. У. Уайт.

¹⁵ Впервые публикация состоялась на немецком языке в журнале *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse und Imago* в 1939 году; английский перевод Д. Рапапорта появился в 1958 году. Поскольку изложение положений Эго-психологии здесь в силу необходимости должно быть кратким, я буду в основном ссылаться на эту статью, в которой уже нашли отражение большинство основных идей; это не означает, однако, что Хартман и другие представители этой школы впоследствии не вносили важных дополнений и уточнений.

в центре внимания находились Ид и инстинктивные побуждения. В настоящее время мы больше не сомневаемся, что психоанализ может претендовать на звание *общей психологии* в самом широком смысле слова; наша концепция методов работы, которая справедливо может быть названа психоаналитической, стала глубже, шире и более дифференцированной».

Эта новое значение психоанализа как общей психологии заставило Эго-психологию сосредоточиться на феноменах, игнорировавшихся прежними психоаналитиками и которым в последние годы уделялось мало внимания, т. е. «тем процессам и механизмам работы психического аппарата, которые вели к успешной адаптации». Положение, которое стало основой дальнейшего развития Эго-психологии, заключается в том, что не всякая адаптация к окружающей среде, не всякое научение и взросление являются конфликтом; развитие восприятия, намерений, предметное и языковое мышление, феномен воспоминания, продуктивность, фазы моторного развития (хватание, ползание, ходьба), взросление, процессы научения происходят вне конфликта. Хартман предложил условный термин «свободная от конфликтов Эго-сфера» для того набора функций, которые в каждый данный момент проявляются за пределами психических конфликтов. Эго-психология подчеркивала роль воли и «десексуализированной» либидозной и «деагрессивной» разрушительной энергии, дающих Эго энергию для выполнения его функций, включая проявление воли¹⁶. Эти концепции привели к смещению внимания от фрейдовского акцента на иррациональных силах, определяющих волю и ограничивающих функционирование Эго; такой взгляд на Ид и Эго означал еще более фундаментальное расхождение с позицией Фрейда, который рассматривал Ид как неструктурированный «котел страстей». Б. Джил предположил, с одобрения большинства Эго-психологов, что Ид обладает структурой, и если не логикой, то по крайней мере до-логикой. Эго и Ид больше не рассматривались как противоположности; они являлись континуумом. Отсюда следовало, что принятая Фрейдом дихотомия между принципами удовольствия и реальности, свободной и связанной энергией, первичными и вторичными процессами также представляет собой континуум. Они, как и Эго и Ид, стали рассматриваться как иерархический континуум сил и структур, существующий на всех уровнях иерархии. Такое представление о континууме приводило к исчезновению элемента диалектики из фрейдовской концепции. Основное утверждение Фрейда здесь, как и во всем, заключалось в существовании *конфликта* между противоположностями и появлении нового феномена, порожденного конфликтом. Такой диалектический подход уступает место представлению о постепенном развитии в пределах структурированной иерархии, заменяющему концепцию конфликта между противоположностями.

Конформистский характер Эго-психологии еще более ясно виден из пересмотра Эго-психологами принципиальных целей Фрейда, чем из этих тонких теоретических рассуждений. Фрейд дает смелую и поэтическую формулировку своего представления о цели терапии и о развитии человека: «Там, где было Ид, должно стать Эго». Таково выражение веры Фрейда в разум; это смысл существования его метода – освободить человека, сделав бессознательное осознанным. Хартман же утверждал, что слова Фрейда были «неверно поняты»: «Это не означает, что когда-либо существовал или будет существовать всецело рациональный человек; предполагается только существование культурно-исторической тенденции и терапевтической цели».

Это позитивистская версия радикальной цели. Утверждение, что никогда не было и никогда не будет всецело рационального человека, есть описание тенденции, которая становится трюизмом в силу трактовки слова «всецело». Для Фрейда значение имело не *макс-*

¹⁶ Р. У. Уайт указывал, что идеи «нейтрализации» и «денейтрализации» либидо или агрессивной энергии неприменимы в свете того, что теперь известно о функционировании нервной системы. Вместо этого он предложил концепцию независимой энергии Эго, существующей с рождения и используемой для развития и функционирования Эго.

симальное развитие Эго, а *оптимум*, которого может достичь человек. Фрейд установил *нормативный* принцип, основанный на его теории человека, а именно: человеку *должно* стремиться заменить Ид на Эго в той мере, в какой это ему доступно, потому что чем большего успеха он добивается, тем больше он избегает невротических – или, что то же самое, экзистенциально ненужных – страданий. Именно в этом заключается различие между Фрейдом, который постулирует *норму* человеческого развития, и позитивистом, понимающим слова Фрейда как всего лишь указывающие на «культурно-историческую тенденцию» и тем самым отвергающим радикальную нормативную суть девиза Фрейда, выраженную словом «должно».

Та же конформистская тенденция просматривается в высказывании Хартмана насчет концепции психического здоровья. Хартман критикует тех, кто «делает поспешные заявления о качествах “идеального здоровья”» и утверждает, что они «недооценивают как огромное разнообразие личностей, которые должны, с практической точки зрения, считаться здоровыми, так и многие личностные типы, необходимые обществу».

Что понимается под «с практической точки зрения»? Судя по туманности языка, Хартман обходит одну из самых значительных проблем в нашей области – двойственность понятия «психическое здоровье». Одно значение относится к функционированию психики как таковой; я называю это «гуманистической» концепцией, поскольку в центре ее стоит человек. Другое значение в формулировке Фрейда предполагает способность любить и трудиться; оно выглядит несколько общим, но ясно утверждает: человек, полный ненависти и разрушительности, неспособный любить, не может быть назван здоровым. В более специальных терминах Фрейд не стал бы говорить о человеке, более или менее регрессировавшем до анально-садистского уровня, как о «здоровом». Однако разве не мог бы такой индивид успешно функционировать в обществе определенного типа? Разве не действовал садист вполне эффективно в нацистской системе, в то время как любящий человек оказался бы совершенно неприспособленным? Разве отчужденный индивид, лишенный любви и чувства идентичности, не лучше приспособлен к современному технологическому обществу, чем восприимчивый, глубоко чувствующий человек? Говоря о здоровье в больном обществе, приходится использовать концепцию здоровья в социологическом смысле – в смысле адаптации к обществу. Проблема заключается именно в конфликте между «здоровьем» в гуманистических терминах и «здоровьем» в терминах социальных; человек может успешно функционировать в больном обществе как раз потому, что он болен в гуманистическом смысле. Таким образом, слова «с практической точки зрения» предполагают, что если данная личность желательна для общества, человек должен быть признан здоровым в психоаналитическом смысле.

Здесь Хартман устранил самый важный – и самый радикальный – элемент системы Фрейда: критику нравов среднего класса и протест против них ради человека и его развития. С его идентификацией «гуманистического» и «социального» здоровья, с имплицитным отрицанием социальной патологии он оказывается в оппозиции к Фрейду, который говорил о «коллективном неврозе» и о «патологии цивилизованных общин»¹⁷. Хартман не видит, что в его понимании сексуальное подавление в викторианском среднем классе было «здоровым» и должно было развить социальный характер, запасливый, не приемлющий удовольствий и транжирства, представляющий собой психологический базис той формы накопления капитала, которая требовалась экономике XIX века. Фрейд выступал во имя человека и критиковал общепринятую степень сексуального подавления как приводящую к психическому заболеванию.

¹⁷ См. Зигмунд Фрейд. Недовольство культурой.

В середине XX столетия сексуальное подавление больше не являлось проблемой, поскольку с расцветом потребительского общества секс как таковой стал предметом потребления и тенденция к получению немедленного сексуального удовлетворения стала частью паттерна системы потребления, вписывающейся в экономические потребности автоматизированного общества. В современном обществе подавляются *другие* импульсы: жить полной жизнью, быть свободным, любить. Действительно, будь люди сегодня здоровыми в гуманистическом смысле, они скорее были бы менее, а не более способными к выполнению своей социальной роли; впрочем, они протестовали бы против больного общества и требовали бы таких социоэкономических изменений, которые уменьшили бы дихотомию между здоровьем в социальном и здоровьем в гуманистическом смысле.

Эго-психология представляет собой решительный пересмотр системы Фрейда, отказ от ее духа, хотя и не от ее концепций, за некоторыми исключениями. Такого рода пересмотр является обычной судьбой радикальных, бросающих вызов общепринятому теорий и прозрений. Ортодоксальный подход сохраняет учение в его оригинальной форме, защищает его от нападков и критики, однако «пересматривает» его, делает новые акценты или добавления, утверждая при этом, что все это может быть найдено в работах учителя. Такой пересмотр меняет дух исходного учения, оставаясь «ортодоксальным». Другой тип ревизии, который я предлагаю называть диалектическим, меняет «классические» формулировки с целью сохранения их духа. Такой пересмотр стремится сохранить суть оригинального учения, освобождая его от обусловленных эпохой ограниченных теоретических заключений; он стремится диалектически разрешить противоречия классической теории и модифицировать ее в процессе приложения к новым проблемам и новым данным.

Возможно, самым важным пересмотром является то, чего Эго-психология *не сделала*. Ее сторонники не развили Ид-психологию – другими словами, они не попытались сделать вклад в то, что является сердцевинной системы Фрейда, в «науку иррационального»; Эго-психология не расширила наших знаний о бессознательных процессах, конфликтах, сопротивлении, рационализациях, переносе. Однако еще более важно то, что Эго-психология в своей собственной области не попыталась использовать критический, освобождающий анализ. Большая опасность для будущего человека в значительной степени является следствием его неспособности опознать вымышленный характер своего «здорового смысла». Большинство остается привязанным к устаревшим и нереалистичным категориям и содержанию мышления; люди рассматривают свой «здоровый смысл» как доводы разума. Радикальная Эго-психология должна была бы проанализировать феномен здравого смысла, причины его прочности и ригидности, методы, которыми можно было бы его изменить. Короче говоря, она должна была бы сделать критическое рассмотрение социального сознания одним из своих главных занятий. Однако Эго-психология не озаботилась такими радикальными исследованиями; она осталась удовлетворена довольно абстрактными и по большей части метафизическими спекуляциями, не обогащающими наши знания ни клинически, ни социопсихологически.

Эго-психология делает акцент на рациональных аспектах адаптации, научения, воли и т. д. (ее традиционное отношение – игнорировать тот факт, что современный человек страдает от неспособности по своей воле определять свое будущее и что «научение» часто делает его скорее еще более слепым). Это, конечно, вполне законное и важное поле исследований, где такие ученые, как Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, К. Бюлер и многие другие, достигли выдающихся успехов, с которыми едва ли могут сравниться достижения Эго-психологов. Последние «подняли» психоанализ до уровня академической респектабельности, говоря: «мы тоже» знаем, что либидо – это еще не все, что есть в человеке. Делая так, они исправили некоторые преувеличения в психоаналитической теории, но многие их идеи новы только для тех, кто верил, будто теория либидо может объяснить все что угодно.

Эго-психология не только начала свой пересмотр с изучения психологии адаптации, она *сама* является психологией адаптации психоанализа к социальной науке XX столетия и к преобладающему духу западного общества. Искать убежище в конформизме – очень понятно в век тревоги и массового конформизма; однако это не только не приводит к прогрессу в психоаналитической теории, но является отступлением. На самом деле Эго-психология лишает психоанализ той энергии, которая когда-то сделала его таким влиятельным фактором в современной культуре.

Возникает вопрос: если мои рассуждения верны, почему лидеры психоаналитического движения не исключили Эго-психологов из своих рядов, как они сделали это с другими «ревизионистами»? Вместо этого, напротив, Эго-психология стала ведущей школой в психоаналитическом движении – этот факт нашел символическое выражение в том, что Гейнц Хартман в 1951 году был избран президентом Международной психоаналитической ассоциации.

Ответ на этот вопрос имеет два аспекта. С одной стороны, Эго-психологи стремились подтвердить свою легитимность, подчеркивая свою принадлежность к «истинным» фрейдистам. С другой стороны, представляется, что они удовлетворяли общее желание бюрократов от психоанализа адаптироваться и стать уважаемыми. Знания и блестящие способности Эго-психологов явно стали подарком движению, которое утратило свою «цель», пренебрегло продуктивным развитием Ид-психологии, искало признания в области теории и не желало тревожиться из-за некритического использования устаревших идей и терапевтических приемов. Эго-психология была идеальным ответом на кризис психоанализа – идеальным для тех, кто отказался от надежды на радикальный, продуктивный пересмотр, который вернул бы психоанализу его прежнюю мощь.

Следует, впрочем, заметить, что существуют исключения из этого благосклонного отношения к Эго-анализу со стороны ортодоксального большинства. С. Нахт, один из самых выдающихся ортодоксальных аналитиков, выступил с критикой Эго-психологии, весьма сходной с приведенной мной выше. На симпозиуме «Взаимное влияние Эго и Ид на их развитие» Нахт говорил: «Попытка поднять психоанализ до высот общей психологии, что Хартман, Ожье, де Соссюр и другие хотели бы сделать, представляется мне по меньшей мере бесплодным и регрессивным шагом, если это направлено на изменение нашей методологии»¹⁸. Хотя я во многом расхожусь с Нахтом, я разделяю его убеждение в том, что школа Эго-психологии делает шаг назад от сути психоанализа.

Несмотря на некоторые тревожные симптомы, психоанализ, впрочем, далеко не мертв. Однако его смерть можно предсказать, *если* он не изменит направления своего движения. Именно это и понимается здесь под «кризисом психоанализа». Как и любой другой кризис, он тоже предлагает альтернативу: медленный распад или креативное обновление. Каков будет исход, предсказать нельзя, но имеются обнадеживающие указания. Делается все более ясно, что настоящий кризис человечества являет собой проблему, требующую для своего понимания и разрешения глубоких знаний человеческих реакций; в этой области психоанализ может внести очень важный вклад. Кроме того, для тех, кто на самом деле интересуется исследованиями, психоанализ – многообещающая, требующая усилий область, не уступающая биологии или физике, особенно для тех, кто соединяет способность к глубокому проникновению и критическому мышлению с умением наблюдать тонкие психические процессы.

В заключение хочу сказать, что творческое обновление психоанализа возможно только в том случае, если он преодолет позитивистский конформизм и снова станет критической и передовой теорией в духе радикального гуманизма. Такой обновленный психоанализ

¹⁸ Нахт С. Дискуссия о взаимном влиянии Эго и Ид на их развитие. Симпозиум на XVII конгрессе Международной психоаналитической ассоциации. Амстердам, Голландия, 8 августа 1951 г.

будет продолжать проникать все глубже в темный мир бессознательного, будет критически относиться ко всем социальным конструкциям, уродующим человека; он будет заниматься процессами, ведущими к приспособлению общества к нуждам человека, а не приспособления человека к обществу. В частности, психоанализ будет исследовать психологические феномены, формирующие патологию современного общества: отчуждение, тревожность, одиночество, боязнь глубоких чувств, пассивность, безрадостность. Эти симптомы стали играть центральную роль, которую играло сексуальное подавление во времена Фрейда; психоаналитическая теория должна быть сформулирована таким образом, чтобы стали понятны бессознательные аспекты этих симптомов и патологическое состояние общества и семьи, лежащее в их основе. Особое внимание психоанализ должен уделить изучению «патологии нормальности» – хронической вялотекущей шизофрении, порождаемой автоматизированным технологическим обществом сегодняшнего и завтрашнего дня.

III. Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты

Чтобы оценить социальный базис взглядов Фрейда¹⁹, полезно с самого начала понять, что он был либеральным критиком буржуазного общества в той степени, в какой либеральные реформаторы вообще были критичны. Он видел, что общество создает для человека ненужные тяготы, которые приводят к ухудшениям вместо ожидаемых улучшений. Он видел, что эта ненужная жесткость в области сексуальной морали приводила к формированию неврозов, которых во многих случаях можно было бы избежать при более терпимом отношении. (Политические и образовательные реформы – феномены параллельные.) Однако Фрейд никогда не был радикальным критиком капиталистического общества. Он никогда не подвергал сомнению его социальноэкономические основы, не критиковал его идеологию – за исключением той, где речь шла о сексуальности.

Что же касается концепции человека, важно в первую очередь отметить, что Фрейд, взгляды которого основывались на гуманизме и просвещении, начинал с допущения существования *человека* как такового – универсального человека, не только того, кто проявляет себя в различных культурах, но кого-то, о чьей структуре могут быть сделаны закономерные эмпирические заключения. Фрейд, как и Спиноза до него, создал «модель человеческой природы», основываясь на которой можно объяснить и понять не только неврозы, но все фундаментальные аспекты, возможности и потребности человека.

Какова же эта фрейдовская модель?

Фрейд рассматривал человека как закрытую систему, которой движут две силы: инстинкт самосохранения и сексуальные влечения. Последние коренятся в биохимических процессах, имеющих фазовый паттерн. В первой фазе возрастают напряжение и неудовольствие; во второй накопившееся напряжение разряжается и при этом создается то, что субъективно ощущается как «удовольствие». Человек прежде всего изолированное существо, первоочередной интерес которого – оптимальное удовлетворение как Эго, так и либидозного интереса. Фрейдовский человек – «человек-машина», движимый и мотивированный физиологией. Однако имеет место и второй аспект: человек – социальное существо, поскольку нуждается в других людях для удовлетворения как своих либидозных побуждений, так и ради самосохранения. Младенец нуждается в матери (и здесь, по Фрейду, сексуальные желания следуют за физиологическими потребностями); взрослому человеку нужен сексуальный партнер. Такие чувства, как нежность или любовь, рассматриваются в качестве феноменов, сопровождающих либидозные интересы и проистекающих из них. Индивиды нуждаются друг в друге как в средстве удовлетворения физиологически обусловленных устремлений. Человек в первую очередь не связан с другими и только во вторую – принуждается (или уступает соблазну) взаимодействовать с другими людьми.

Фрейдовский *homo sexualis* есть вариант классического *homo economicus*. Изолированный самодостаточный человек должен вступать в отношения с другими для взаимного удовлетворения своих потребностей. *Homo economicus* обладает экономическими потребностями, находящими взаимное удовлетворение в обмене товарами на рынке. Потребности *homo sexualis* носят физиологический, либидозный характер и обычно взаимно удовлетворяются при контактах между полами. В обоих случаях партнеры по сути остаются друг для друга незнакомцами; их объединяет только общая цель удовлетворения влечения. Такое

¹⁹ Статья «Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты» была зачитана на Третьем Международном форуме психоанализа, Мехико, август 1969 г.

социальное обоснование теории Фрейда духом рыночной экономики не означает, что теория неверна, за исключением претензии на описание ситуации *человека как такового*. Межличностные отношения в буржуазном обществе таковы для большинства людей.

К этому общему положению нужно добавить особое замечание по поводу социальных детерминант фрейдовской концепции побуждений. Фрейд был учеником фон Брюкке, физиолога, который был одним из самых уважаемых представителей механистического материализма, особенно в его немецкой форме. Этот тип материализма основывался на принципе, согласно которому все психические феномены уходят корнями в определенные физиологические процессы и *могут быть достаточно объяснены и поняты*, если эти корни известны²⁰. В поисках корней психических нарушений Фрейду пришлось искать физиологический субстрат влечений; найти их в сексуальности было идеальным решением, поскольку оно соответствовало как требованиям механико-материалистического подхода, так и определенным клиническим проявлениям, обнаруживаемым у пациентов его времени и социального класса. Остается, конечно, неясным, могли ли эти данные произвести на Фрейда настолько глубокое впечатление, если бы он не мыслил в рамках своей философии; однако едва ли можно сомневаться в том, что философия была важным детерминантом его теории влечений. Отсюда следует, что последователь другой философии подошел бы к его открытиям с определенным скептицизмом. Такого рода скептицизм относится не столько к ограниченному варианту теории Фрейда, согласно которому в *некоторых* невротических нарушениях решающую роль играют сексуальные факторы, сколько к утверждению, что *все* неврозы и все поведение человека определяются конфликтом между сексуальными влечениями и самосохранением.

Фрейдовская теория либидо отражает его социальное положение в другом смысле. Она основана на концепции нехватки, предполагая, что все человеческие устремления и вождение проистекают из потребности избавиться от неприятного напряжения; вождение — не феномен изобилия, направленный на усиление и углубление человеческих переживаний. Принцип нехватки характерен для мышления среднего класса, напоминая о Мальтусе, Бенджамине Франклине или среднем дельце XIX века. Существует много ответвлений принципа нехватки и добродетельности накопления²¹, но по сути это означает, что количество предметов потребления неизбежно ограничено, а потому равное удовлетворение потребностей для всех невозможно, ибо изобилие невозможно; при таком подходе нехватка становится самым важным стимулом человеческой активности.

Несмотря на свои социальные детерминанты, теория влечений Фрейда остается фундаментальной составляющей модели человека. Даже если теория либидо как таковая неверна, она является, можно сказать, символическим выражением более общего феномена: того, что поведение человека есть продукт сил, обычно неосознаваемых, мотивирующих человека, побуждающих его, приводящих к конфликтам. Относительно статичная природа человеческого поведения обманчива. Она такова только потому, что система порождающих ее сил остается одной и той же; той же она остается до тех пор, пока условия, формирую-

²⁰ Зависимость формирования теории Фрейда от взглядов его учителей описана П. Аммахером (Psychological Issues. Seattle: Univ. of Washington Press, 1962), а Р. Р. Холт одобительно суммирует главное положение этой работы: многие из самых загадочных и кажущихся произвольными поворотов психоаналитической теории, включая предположения, настолько ложные, что доступны для проверки опытом, являются или скрытыми физиологическими заключениями, или результатами, прямо вытекающими из них, о которых Фрейд узнал от своих учителей в медицинской школе. Они стали основной частью его интеллектуального инструментария, столь же несомненными, как принцип всеобщего детерминизма; они, возможно, не всегда опознавались Фрейдом как биологические, и таким образом оставались необходимыми ингредиентами, когда он пытался уйти от нейрологизирования и построить абстрактную психологическую модель (Holt R. R. A review of some of Freud's biological assumptions and their influence on his theories // Psychoanalysis and current biological thought. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1965).

²¹ Это положение подробнее обсуждается в главе X.

щие эти силы, не меняются. Однако когда эти условия, социальные или индивидуальные, меняются, система сил теряет стабильность, а вместе с ней теряет стабильность и статичный паттерн поведения.

Своей динамической концепцией *характера* Фрейд поднял психологию поведения с описательного уровня на уровень науки. Фрейд сделал для психологии то, что великие драматурги и писатели совершили в художественной форме. Он показал человека как персонажа драмы, который, даже имея всего лишь средний талант, все равно герой, потому что страстно борется в попытке что-то понять из факта своего рождения. Главная драма Фрейда, эдипов комплекс, может быть безобидной буржуазной версией игры сил, более элементарных, чем треугольник «отец – мать – сын», описанный в ней; однако Фрейд придал этому треугольнику драматическое качество мифа.

Теория влечений доминировала в системе Фрейда до 1920 года, когда началась новая фаза его мышления, приведшая к основополагающему изменению концепции человека. Вместо противостояния Эго и либидозных влечений теперь основной конфликт происходил между «инстинктом жизни» (Эросом) и «инстинктом смерти» (Танатосом). Инстинкт жизни, включавший и Эго, и сексуальные побуждения, был поставлен в оппозицию инстинкту смерти, который считался корнем человеческой разрушительности, направленной или против самого индивида, или против внешнего мира. Эти новые базовые влечения конструируются совершенно иначе, чем прежние. Во-первых, они не привязаны к какой-либо специфической зоне организма, как либидо – к эрогенным зонам. Кроме того, они не следуют паттерну «гидравлического» механизма: рост напряжения – неудовольствие – спад напряжения – удовольствие – новое напряжение и т. д., а являются врожденными для всей живой материи и действуют без какой-либо особой стимуляции. Они также не подчиняются консервативному принципу возврата к исходному состоянию, который Фрейд на одном этапе приписывал всем инстинктам. Эрос обнаруживает тенденцию к объединению; инстинкт смерти – противоположную, к разъединению и разрушению. Оба побуждения действуют в человеке постоянно, борются и смешиваются друг с другом до тех пор, пока инстинкт смерти в конце концов не оказывается сильнее и не добивается окончательной победы – смерти индивида.

Эта новая концепция влечений указывает на кардинальные изменения образа мыслей Фрейда, и мы можем заключить, что эти изменения связаны с фундаментальными социальными переменами.

Новая концепция влечений не следует модели материалистически-механистического мышления; скорее она может рассматриваться как биологическая, виталистически ориентированная концепция. Такое изменение соответствовало общему направлению биологической мысли того времени. Более важной, впрочем, является переоценка Фрейдом роли человеческой разрушительности. Нельзя сказать, что он не включал агрессию в свою первую теоретическую модель. Фрейд считал ее важным фактором, однако подчиненным либидо и самосохранению. В новой теории разрушительность становится соперницей, а со временем и победительницей либидо и Эго-побуждений. Человек не может не стремиться к разрушению, потому что это заложено в его биологической конституции. Хотя он и способен в некоторой степени смягчать такую тенденцию, совсем лишить ее силы он не в состоянии. Перед ним стоит выбор: направить агрессию против самого себя или против внешнего мира, но шанса освободиться от этой трагической дилеммы у него нет.

Есть веские причины для гипотезы о том, что новая оценка Фрейдом разрушительности базировалась на опыте Первой мировой войны. Эта война потрясла основы либерального оптимизма, свойственного первому периоду жизни Фрейда. До 1914 года представители среднего класса верили в то, что мир быстро приближается к состоянию большей безопасности, гармонии и добрососедства. «Тьма» Средних веков, казалось, с каждым поколением все более рассеивается; еще несколько шагов, и мир – или по крайней мере Европа –

станет напоминать улицы хорошо освещенной, защищенной столицы. В буржуазной эйфории Бель Эпок было легко забыть, что для большинства рабочих и крестьян Европы и в еще большей степени – для населения Азии и Африки картина вовсе не такова. Война 1914 года (не столько ее начало, сколько ее длительность и жестокость) разрушила эту иллюзию. Фрейд, который во время войны все еще верил в правоту и победу Германии, пережил более болезненный удар, проникший в глубины его психики, чем его менее чувствительные сограждане. Возможно, он чувствовал, что оптимистические надежды на просвещение были иллюзиями, и заключил, что человек от природы обречен на разрушительность. Именно потому, что он был реформатором²², война нанесла ему особенно тяжелый удар. Не будучи ни радикальным критиком общества, ни революционером, он не мог надеяться на фундаментальные общественные перемены, а потому был вынужден искать причины трагедии в человеческой природе²³.

Фрейд оказался в историческом смысле на границе периода радикальных изменений социального характера. В той мере, в какой он принадлежал XIX веку, он был оптимистом, мыслителем Просвещения; в той мере, в какой он принадлежал XX веку, он был пессимистом, почти отчаявшимся представителем общества, претерпевавшего быстрые и непредсказуемые перемены. Возможно, его пессимизм был усилен его тяжелой, мучительной, угрожающей жизни болезнью, длившейся до самой его смерти, которую он переносил с героизмом гения; возможно также, что сказалось разочарование из-за отдаления его самых талантливых последователей – Адлера, Юнга, Ранка. Как бы то ни было, Фрейд никогда не смог вернуть свой утраченный оптимизм. Однако, с другой стороны, он не мог, а может быть, и не хотел полностью отвергать свои прошлые взгляды. Возможно, в этом кроется причина того, что Фрейд так никогда и не разрешил противоречия между старой и новой концепциями человека; прежнее либидо было отнесено к Эросу, а прежняя агрессия – к инстинкту смерти; остается мучительно ясно, что все это было всего лишь теоретическим лоскутным одеялом²⁴.

Фрейдовская модель человека подчеркивает диалектичность рациональности и иррациональности в человеке. В этом особенно видны оригинальность и величие мышления Фрейда. Как преемник просветителей, он был рационалистом, верившим в силу разума и человеческой воли; он был убежден в том, что социальные условия, особенно имевшие место в раннем детстве, ответственны за зло в человеке. Однако уже в начале своей работы Фрейд потерял рационалистическую невинность и опознал силу человеческой иррациональности и слабость разума и воли. Он с открытым забралом встретил противоположность, присущую двум принципам, и диалектически пришел к новому синтезу. Этот синтез рационалистического просветительского мышления и скептицизма XX столетия нашел выражение в его концепции бессознательного. Если бы вся реальность осознавалась, человек был бы воистину рациональным существом и его мышление следовало бы законам логики. Однако преобладающая часть внутреннего опыта не осознается и по этой причине не подконтрольна логике, разуму, воле. В бессознательном доминирует человеческая иррациональность; логика правит сознанием. Важным в учении Фрейда было то, что бессознательное направляет сознание и тем самым поведение человека. Концепцией определяющей роли бессознательного Фрейд, не подозревая об этом, повторил уже высказанный Спинозой тезис; но если в системе Спинозы данный тезис был второстепенным, у Фрейда эта мысль заняла центральное место.

Фрейд не мог разрешить конфликт статично, просто позволив одной из двух сторон одержать победу. Если бы он объявил победителем разум, он остался бы философом эпохи

²² См. Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда.

²³ Фрейд кратко выразил свои пессимистические взгляды в «Недовольстве культурой», где описал человека как ленивое существо, нуждающееся в сильном вожде.

²⁴ В «Сердце человека» я попытался связать фрейдовский инстинкт смерти с теорией анального либидо. В «Анатомии человеческой деструктивности» я анализирую связь между сексуальностью и Эросом системы Фрейда.

Просвещения; если бы он отвел главную роль иррациональности, он стал бы консервативным романтиком, как и многие выдающиеся мыслители XIX века. Хотя верно то, что человеком движут иррациональные силы – либидо, особенно на до-генитальных этапах эволюции, его Эго, разум и воля тоже не бессильны. Сила разума выражается в первую очередь в том, что человек с помощью разума может понять свою иррациональность. Таким образом, Фрейд создал *науку о человеческой иррациональности* – психоаналитическую теорию. Однако Фрейд на теории не остановился. Поскольку человек в процессе анализа может сделать свое бессознательное осознанным, он также может освободиться от доминирования бессознательных влечений; вместо подавления их он может им противоречить, ослабить их, контролировать собственной волей. Это возможно, считал Фрейд, потому что у взрослого человека есть более сильный союзник – Эго, – чем у ребенка, которым он когда-то был. Психоаналитическая терапия Фрейда основывалась на надежде преодолеть или по крайней мере укротить бессознательные импульсы, которые, действуя во тьме, очевидно оказываются вне контроля человека. С исторической точки зрения теорию Фрейда можно рассматривать как плодотворный синтез рационализма и романтизма; творческий потенциал которого, возможно, и есть одна из причин того, что мышление Фрейда приобрело доминирующее влияние в XX веке. Это влияние обусловлено не новой терапией неврозов, найденной Фрейдом, а возможно, и не в первую очередь ролью Фрейда как защитника подавленной сексуальности. Многое можно сказать в пользу предположения, согласно которому главной причиной общего влияния теории Фрейда на культуру явился именно этот синтез, плодотворность которого отчетливо видна в двух самых важных примерах отступничества – примерах Адлера и Юнга. Оба отбросили фрейдовский синтез и вернулись к двум исходным противоположностям.

Адлер, основываясь на недолговечном оптимизме поднимающихся низов среднего класса, разработал одностороннюю рационалистически-оптимистическую теорию. Он полагал, что врожденная неспособность и есть условие силы и что благодаря интеллектуальному пониманию ситуации человек может освободиться и заставить исчезнуть трагедию жизни.

Юнг, с другой стороны, был романтиком, видевшим источник человеческой силы в бессознательном. Он гораздо полнее, чем Фрейд, взгляды которого были ограничены сексуальной теорией, понимал богатство и глубину символов и мифов. Впрочем, их интересы были противоречивы. Фрейд желал понять бессознательное, чтобы ослабить и контролировать его; Юнг стремился сделать его источником роста жизненной силы. Какое-то время интерес к бессознательному объединял двух ученых, не осознававших, что они движутся в противоположные стороны. Помедлив, чтобы обсудить бессознательное, они подпали под иллюзию, что продвигаются в одном направлении.

Тесно связано с фрейдовским синтезом рациональности и иррациональности его изучение предопределения и свободы воли. Фрейд был сторонником детерминизма; он полагал, что человек не свободен, потому что им движет бессознательное – Ид и Супер-Эго. Однако – и это имело решающее значение для Фрейда – человек все же не полностью детерминирован. С помощью психоанализа он может получить контроль над бессознательным. Благодаря альтернативистскому подходу, по сути напоминающему взгляды Спинозы и Маркса, Фрейду удалось еще один плодотворный синтез двух противоположностей²⁵.

Видел ли Фрейд в моральном факторе фундаментальный элемент своей модели человека? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Человек развивается исключительно под действием собственных интересов, что требует оптимального удовлетворения его либидозных импульсов при условии, что они не ставят под угрозу его самосохранение («принцип

²⁵ См. обсуждение альтернативизма в работе Э. Фромма «Сердце человека».

реальности»). Моральная проблема, под которой традиционно понимается конфликт между альтруизмом и эгоизмом, практически исчезает. Единственной движущей силой является эгоизм, и конфликт имеет место просто между двумя формами эгоизма, либидозного и материального. Едва ли нужно показывать, что Фрейд, следуя ведущим концепциям буржуазного мышления, считал человека по сути эгоистом. Тем не менее было бы неправильно утверждать, что Фрейд в своей модели природы человека попросту отрицал влияние сознания как эффективного фактора. Фрейд признает его силу, но «объясняет», лишая его при этом всей объективной ценности. Согласно его объяснению, сознание – это Супер-Эго, представляющее собой копию всех повелений и запретов отца (или отцовского Супер-Эго), с которым идентифицирует себя маленький мальчик, когда, мотивированный страхом кастрации, преодолевает свои эдиповы устремления. Такое объяснение относится к обоим элементам сознания: формальному – тому, *как* формируется сознание, и сущностному, касающемуся его содержания. Поскольку основополагающая часть отцовских норм и отцовского Супер-Эго задана социально (или, точнее, является не чем иным, как личным вариантом социальных норм), объяснение Фрейда делает все моральные нормы относительными. Каждая норма обладает собственной значимостью не из-за ценности ее содержания, а из-за того психологического механизма, который ее воспринимает. Добро – это то, чего требует интернализованный авторитет, зло – то, что он запрещает. Фрейд, несомненно, прав в том, что нормы, которые большинство людей считают моральными, в значительной мере то, что устанавливает общество ради своего оптимального функционирования. С этой точки зрения его теория представляет собой убедительную критику существующей общепринятой морали, и теория Супер-Эго обнажает ее истинный характер. Однако Фрейд, возможно, не намеревался придавать такой критический аспект своей теории; он мог даже его не осознавать. Своей теории он не придал критического звучания, да и едва ли мог это сделать, поскольку не особенно интересовался вопросом о том, выходит ли содержание каких-либо норм за пределы, предписанные существующей социальной структурой, и существуют ли такие, которые больше соответствуют потребностям человеческой природы и законам развития человека.

Нельзя говорить о фрейдовской антропологии, не обсудив два особых случая: вопроса о мужчине и женщине и вопроса о ребенке.

Для Фрейда только мужчина есть настоящее человеческое существо; женщина – искалеченный, кастрированный мужчина. Она страдает из-за такой судьбы и может быть счастлива, только если в полной мере преодолеет свой «комплекс кастрации» благодаря принятию ребенка или мужа. Однако в других аспектах она остается неполноценной, например, ей свойствен большой нарциссизм и ею меньше руководит сознание, чем мужчиной. Эта странная теория, согласно которой половина человеческой расы – всего лишь искалеченное издание другой, вытекала из викторианских идей, согласно которым желания женщины почти полностью направлены на вынашивание и воспитание детей и на служение мужчине. Фрейд ясно выразил это, когда писал: «Либидо – мужского рода». Вера в викторианскую идею, согласно которой женщина лишена собственной сексуальности, была выражением крайнего патриархального мнения о естественном превосходстве мужчины над женщиной²⁶.

²⁶ Для полного понимания этой патриархальной идеологии потребовалось бы более подробное обсуждение. Здесь достаточно сказать, что женщины были классом, над которым властвовали и который эксплуатировали мужчины, во всех патриархальных обществах; как и все эксплуататоры, доминирующие мужчины должны были создать идеологию, которая бы утверждала их доминирование как нечто естественное, а потому необходимое и оправданное. Женщины, как и большинство подавляемых классов, принимали идеологию мужчин, хотя в частном порядке часто исповедовали собственные, противоположные идеи. Представляется, что освобождение женщин началось в XX веке и сопутствует ослаблению патриархальной системы в индустриальном обществе, хотя полного равенства женщин *de facto* даже сегодня не существует ни в одной стране. Основы анализа патриархально/матриархальных обществ были заложены И. Я. Бахофеном в его основном сочинении «Материнское право», и полное понимание проблемы едва ли возможно без знакомства с работой Бахофена. См. главы VII и VIII настоящей книги.

Мужчина, согласно патриархальной идеологии, более рационален, реалистичен, ответственен, чем женщина, а потому ему природой предназначено быть вождем и руководителем. Насколько полно Фрейд разделял эту точку зрения, видно из его реакции на требование политического и социального равенства для женщин, высказанное Дж. С. Миллем, мыслителем, которого в других аспектах Фрейд высоко ценил. Здесь же Милль просто «безумен»; для Фрейда немислимо даже представить, чтобы его любимая супруга могла бы конкурировать с ним на рынке, вместо того чтобы позволить себе быть под его покровительством.

Патриархальные предрассудки Фрейда имели два серьезных последствия для его теории. Одно заключалось в том, что он не видел природы эротической любви, поскольку она основана на полярности мужчины и женщины, которая возможна только в том случае, если мужчина и женщина равны, хотя и отличаются друг от друга. Таким образом, в центре всей системы Фрейда находится сексуальная, но не эротическая любовь. Даже в своей позднейшей теории он рассматривал Эрос (инстинкт жизни) только применительно к поведению живых организмов в целом, но не распространял его на отношения мужчины и женщины. Другим в равной мере серьезным последствием было то, что Фрейд большую часть жизни полностью игнорировал первичные узы, связывающие ребенка (мальчика или девочку) с матерью, природу материнской любви, страх перед матерью. Привязанность к матери могла пониматься только в терминах эдиповой ситуации, когда для маленького мальчика – маленького мужчины – мать, как и для отца, является сексуальным объектом, а страх ребенок испытывает лишь перед отцом. Только в последние годы жизни Фрейд начал признавать существование первичных уз, хотя ни к какой мере не всю их важность²⁷. Представляется, что, помимо подавления собственной сильной фиксации на матери, патриархальные предрассудки Фрейда не позволили ему осознать, какой мощной фигурой является женщина-мать, к которой ребенок привязан²⁸. Почти все другие психоаналитики приняли теории Фрейда о сексуальности и второстепенной роли матери, несмотря на всеобъемлющие свидетельства противного.

²⁷ См. превосходную статью Дж. Боулби «Природа привязанности ребенка к матери» (*The International Journal of Psycho-Analysis*. 1958. 34. 355–372).

²⁸ По этой же причине Фрейд всегда игнорировал богатые данные И. Я. Бахофена о материнском праве, хотя несколько раз его и цитировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.